

И.Ш. Абилов, Е.Ю. Гуляева, Е.Ю. Захарова

НАСЕЛЕНИЕ ПОГРАНИЧЬЯ ГРУЗИИ, АРМЕНИИ И ТУРЦИИ: ГРАНИ ИДЕНТИЧНОСТИ (заметки по итогам экспедиции 2014 г.)

В августе 2014 г. в рамках проекта «Разная земля» состоялась экспедиция на приграничные территории Грузии, Турции и Армении (основными пунктами маршрута были города Батуми, Артин, Карс, Ардаган, Ахалцихе, Ахалкалаки, Гюмри). Главной задачей и в итоге главным результатом экспедиции стало издание в 2015 г. фотоальбома «Перевалы времени: Батуми — Карс»¹. В альбоме сопоставлены два временных среза: фотографии конца XIX — начала XX в. из собрания Российского этнографического музея и современные фотографии, сделанные во время экспедиции. Помимо фотофиксации, происходило также интервьюирование представителей разных этнических, конфессиональных и языковых групп. В данной статье мы представляем предварительный анализ этих материалов.

Наш интерес к региону и к тому, как себя сейчас определяет местное население, был обусловлен сложной исторической судьбой этого края, сказавшейся на лингвистическом, религиозном и этническом разнообразии населения. Мы постарались посетить представителей как можно большего числа разных этнических, конфессиональных и языковых групп. Именно о них пой-

¹ Выражаем благодарность автору и куратору проекта «Разная земля», спонсору экспедиции и издания альбома Сардару Сардовичу Сардарову.

дет речь ниже, в том порядке, как они встретились нам по ходу экспедиционного маршрута¹.

Обследованная территория с древности была ареной как интенсивных культурных взаимодействий и миграционных потоков, так и многочисленных войн. В Средние века эти земли принадлежали различным армянским и грузинским княжествам и подвергались завоеваниям турок-сельджуков, монголов, иранцев, а с XVI в. здесь укрепилась Османская империя. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. бóльшую часть этой территории образовали Батумскую и Карскую области Российской империи. Вследствие целого ряда драматических событий XX в.² этническая карта региона претерпела существенные изменения. Кроме того, совершенно очевидно, что национальные мифы грузин, армян и турок в одинаковой степени претендуют на эту территорию.

Аджарцы

Аджария делится на равнинную и горную части, для современной Аджарии это разделение актуально и с точки зрения распределения ислама и христианства: если в горных районах в целом сохраняет свои позиции ислам, то в равнинных районах и в Батуми усиливаются позиции православия. В отношении конфессиональной приверженности в Аджарии можно проследить

¹ Все имеющиеся в статье ссылки на высказывания информантов представлены из полевых материалов авторов.

² Суннизация в Османской империи и Турецкой Республике, русификация в Российской империи и СССР; Первая мировая война; геноцид армян 1915–1923 гг.; отток греков в Грецию и турок из нее; распад Османской и Российской империй; проведение новых границ между Турцией и Закавказскими республиками в 1921 г. (в итоге только Батумский округ Батумской области оказался за пределами территории Турции и впоследствии стал Аджарской АССР в составе Грузии); возникновение «курдского вопроса»; сталинские депортации месхетинских турок, курдов и хемшин, живших вдоль советско-турецкой границы; территориальные претензии СССР к Турции, существовавшие до 1953 г.; наконец, распад СССР и образование новых государств на Южном Кавказе, сопровождавшееся экономическим упадком, гражданскими войнами и этническими конфликтами.

и распределение по поколениям. Среди молодого поколения — людей младше 45 — фиксируется много примеров обращения в христианство (главным образом в Нижней Аджарии), старшее поколение сохраняет веру своих родителей. Например, в с. Бзубзу мы говорили с имамом, о детях которого односельчане рассказали, что те втайне от отца давно крестились, но продолжают вместе с ним ходить в мечеть.

Можно констатировать большое разнообразие исламских практик и представлений, бытующих в Верхней Аджарии. Старшее поколение получало знания об исламе в семье и от мулл, которые продолжали тайно учить Корану и в советское время. Для молодежи, в свою очередь, источник знаний об исламе — поддерживаемые Турцией печатные издания, из которых молодые люди выносят сведения, зачастую не совпадающие с представлениями старшего поколения об исламе, а также ходжи, получившие религиозное образование в Турции. О «дедовском исламе» молодые информанты говорили, что *«он тоже верный, но в него были привнесены внешние элементы в результате контакта с другими религиями»*.

В обрядовой сфере в горной Аджарии мы наблюдали смешение христианских и мусульманских практик. Так, в обрядах поминального цикла присутствуют как христианские, так и мусульманские поминальные дни.

Современная свадьба у аджарских мусульман, по словам информантов, *«грузинская по форме»* (т.е. такая же, как у православных грузин). Вместе с тем в свадебной обрядности присутствует посещение молодыми ходжи, который *«что-то читает; [после] молодые выпивают, дальше играют настоящую грузинскую свадьбу»*. В советское время мусульманский брак практиковали, но тайно, за неделю до «официальной» свадьбы.

Исламская идентичность аджарца сочетается с идентичностью грузина — наследника богатой винодельческой традиции, любителя застолий. Однако поскольку алкоголь запрещен исламом, в быту сформировались своеобразные компенсаторные практики — например, отец и сын избегают друг друга, когда его употребляют.

В Аджарии действуют финансируемые Турцией учреждения исламского образования для молодежи. Часть из них работает в режиме пансионата, где учащиеся живут по несколько месяцев. В районном центре Хуло (квартале Деканашвилеби) мы побывали в исламской школе для девочек, воспитательницами в которой являются молодые женщины, преимущественно уроженки Хуло и Батуми, получившие образование (в том числе и светское) в Турции. Исламское образование в школе дается бесплатно и финансируется из закята, часть средств поступает от бизнесменов из Батуми. Общеобразовательная часть программы является платной, но занятия в школе обходятся дешевле, чем с индивидуальным репетитором.

В разговоре с нами воспитательницам важно было донести, что они *«не отуреченные грузины, а такие же грузины, как все остальные»*. По словам женщин, православные грузины часто называют их *татарами* (таким образом объединяя их с азербайджанцами Грузии). Можно говорить о маргинализации и стигматизации «покрывшихся» женщин в Аджарии, информантки говорили о препятствиях при устройстве на работу, небрежном отношении к ним в государственных учреждениях (больницах и т.д.). Резюмируя свои слова, одна из девушек сказала: *«Нас очень ущемляют»*.

Как кажется, стигматизации со стороны православного грузинского населения подвергается преимущественно «новый», «идущий из Турции» ислам, тогда как традиционная, «дедовская», привычная его форма не вызывает недоверия или раздражения.

В целом, несмотря на очевидные попытки государства стимулировать и констатировать христианизацию региона, в публичном пространстве сельской горной Аджарии все же существенно заметнее присутствие ислама.

В XIX в. для большинства жителей Аджарии был характерен грузино-турецкий билингвизм. По расчету турецких властей, грузинский язык должен был полностью исчезнуть из повседневного использования к концу XIX столетия [Sanikidze, Walker 2004: 7]. Однако история, как мы знаем, распорядилась иначе. Сейчас в Аджарии владение турецким языком фиксируется преимуще-

ственно среди студентов, изучающих его в качестве иностранного, и трудовых мигрантов, выезжающих на сезонные работы в Турцию; турецкий язык оставил значительный пласт тюркизмов в аджарском диалекте грузинского.

Однако в нескольких селах приграничной части Аджарии — Бако, Тхилване и Скване — и сегодня фиксируется грузинско-турецкий билингвизм. Интересно, что с. Тхилвана делится (рекой) на Верхнюю и Нижнюю; турецким языком владеют жители Верхнего села (туркоязычных называют *метатруле* (досл. татароязычные) в отличие от *мекартуле* — «грузиноязычных»).

В с. Бако на вопрос о вероисповедании информанты ответили, что *«все жители села мусульмане, но и вина пьется достаточно»*. Все население здесь, в том числе большинство детей, владеет турецким языком как родным (в Тхилване языком домашнего общения является грузинский, но после грузинского детей учат турецкому языку). Турецкий жителей Бако и Тхилваны представляет собой вариант черноморского диалекта турецкого языка, причем молодежь говорит на более чистом турецком — сказываются просмотр турецкого телевидения и отъезды на заработки в Турцию. По словам информантов, часть терминологических областей лучше развита на турецком — например, все, что касается традиционных трудовых процессов, сельского хозяйства, им легче выразить на этом языке. Бытование в Бако турецкого объясняют приграничным положением села.

Наши собеседники в Бако подчеркивали, что все сельчане по происхождению — *«чистые грузины, без примеси турецкой крови»*.

Лазы

Покидая Грузию, мы переходили грузино-турецкую границу в разделенном селе Сарпи, где сосредоточено подавляющее большинство лазского населения Грузии. Главным образом лазы расселены вдоль юго-восточного побережья Черного моря по обе стороны грузино-турецкой границы, говорят на принадлежащем к лазско-мегрельской ветви картвельских языков лазском

языке, очень близком к мегрельскому. В Турции черноморское побережье ассоциируется преимущественно с лазами.

Лазы Турции исповедуют ислам суннитского толка (ханафиты), в то время как среди лазов Грузии есть как мусульмане, так и православные. Примечательно, что недавно в грузинской части Сарпи возвели церковь — напротив расположенной в турецкой части мечети.

Если грузинская академическая традиция и обыденное сознание причисляют лазов к грузинам и ставят в общий ряд этнографических групп Грузии наряду с кахетинцами, мегрелами, гурийцами и др., то лазы Турции не ассоциируют себя с грузинами, признавая только языковое родство с мегрелами. Лазы в грузинской части Сарпи живут преимущественно таможней, а также возделыванием и продажей цитрусовых, в Турции же их основное сельскохозяйственное направление — чаеводство.

Хемшины

У хемшин (хемшил) мы были в двух семьях: в окрестностях г. Хопа (провинция Артвин) и на яйла Бюльбюлан вблизи Ардагана (основное место жительства этой семьи тоже г. Хопа). Так же, как в ситуации с лазами, внешний и внутренний «взгляды» на хемшин различаются. Первый предполагает рассматривать их как исламизированных армян: так считают в Армении, так нам говорили о хемшинах другие информанты в Турции (стоит отметить, что в более отдаленных регионах Турции о хемшинах не слышали; это отличает их от лазов, с которыми, как сказано выше, в Турции ассоциируется Черноморский регион). Сами хемшины не считают себя армянами («Мы не принимаем, когда говорят, что мы армяне»), но отмечают сходство и близость хемшинского языка с армянским («договориться можем»), причем в большей степени с его тбилисским вариантом, а не с ереванским.

В обеих семьях мы интересовались, знают ли хемшинский дети. В первой семье нам сказали, что дошкольники язык не знают, при них «особо не говорят», но когда дети вырастают, то овла-

девают языком. В другой семье нам сказали, что старшие говорят по-хемшински, а внучка не говорит, но понимает.

Свою культуру (основные занятия, жилище, обряды и т.п.) хемшины считают близкой к лазской. Местные гурджи / гюрджи¹ рассказывали нам о том, что хемшины и лазы все время ссорятся, но стоит появиться третьему, как они объединяются против него.

Гурджи

В северо-восточной, граничащей с Грузией и Арменией части Турции компактно расселены группы населения, определяющие себя как «гюрджию» — грузины (в Грузии «гурджи» называют грузин-мусульман, живущих за пределами страны). Эта область приблизительно соответствует территории средневекового княжества грузинских Багратионов Тао-Кларджети (в Грузии она считается частью исторической провинции Месхети). Интересно, что в Турции происхождение большинства живущих на этой территории гурджи связывают с Аджарией. Еще одну часть гурджи составляют потомки грузиноязычных мусульман-мухаджиров, переселившихся в Турцию после включения части территорий исторической Месхети в состав Российской империи.

Нам удалось побывать в районе Шавшат (груз. Шавшети) (провинция Артвин), в окрестностях Мейданджика, где компактно расположено несколько населенных гурджи сел, а также в центральном населенном пункте турецкой части разделенного грузино-турецкой границей ущелья Мачахели (груз. назв.) / Мачаһели (тур. назв.) — с. Джамили (груз. Хертвиси).

Особые флора и фауна ущелья Мачахели / Мачаһели привели к закреплению за ним статуса национального парка как в грузинской, так и в турецкой его частях. С турецкой стороны в уще-

¹ В турецком языке используется этноним «гюрджию» (тур. Gürcü) — «грузин» (на причерноморских говорах турецкого языка произносится «гурджи»). В русскоязычных публикациях, описывающих регион, применяется этноним гурдж(и). В персидском языке применительно к грузинам используется термин гурджи / горджи.

лье расположено шесть сел, с грузинской — 12. Села с турецкой стороны имеют официальные турецкие и неофициальные грузинские названия.

В с. Джамили находится пограничный пункт, но пропускного пункта нет. Однако между Турцией и Грузией существует договоренность открывать границу в чрезвычайных ситуациях (например, в случае необходимости перевозки больных) в зимнее время, когда дороги в сторону внутренней Турции становятся непроходимыми. Чрезвычайный пропуск населения ограничен лимитом в десять человек и требует специального согласования с властями. Раньше здесь действовал особый пограничный режим, иностранцам был закрыт доступ в приграничную часть ущелья, что препятствовало развитию туризма. Сейчас запрет сохраняется только для ночного времени, в которое иностранные граждане должны покидать территорию национального парка.

Как рассказывали сами мачахельцы, жителей Мачахели (как и жителей Шавшата) в Турции шуточно называют немцами, так как из этих регионов происходит особенно интенсивная эмиграция в Германию. В ущелье активно занимаются пчеловодством, местное общество пчеловодов проводит международные профессиональные семинары.

В Мачахели мы зафиксировали националистические грузинские настроения, сюда проникает грузинская национальная пропаганда. Вероятно, под ее влиянием здесь, в отличие от остальной Турции, лазов причисляют к грузинам, а оценивая численность грузинского населения страны, называют явно завышенные цифры — 5 миллионов. В Мачахели действует фольклорный песенный ансамбль «Мачахела» (грузинское название кремневого ружья, изготовлением которого славилось ущелье), состоящий из мужчин старшего и пожилого возраста. Ансамбль гастролирует в Грузии и других странах. Группу местных националистов объединяет также активная протестная позиция по отношению к строительству в районе ГЭС.

Мачахельцы носят турецкие фамилии, но могут назвать и свои старые, грузинские. Жители Мачахели поддерживают кон-

такты с родственниками с грузинской стороны, с которыми общаются посредством «Фэйсбука» и телефонной связи. В то же время наши собеседники констатировали разрыв былых связей, который произошел за советский период, когда граница была непроницаема. С открытием границы жители Мачахели смогли посетить не только Батуми и Тбилиси, но и сельскую Аджарию. Один из наших собеседников с ярко выраженным грузинским самосознанием упомянул о своих контактах с деятелями грузинской национальной науки — назвал фамилию профессора из Батуми.

В семьях старшее поколение говорит по-грузински, молодое — по-турецки, грузинским владея очень плохо. Грузинская грамотность в Мачахели либо не распространена совсем, либо присутствует очень ограниченно. Часть жителей Мачахели имеет наряду с турецкими грузинские паспорта. Свою культуру и быт (кухня, постройки, образ жизни) мачахельцы описывают как *«совершенно грузинские»*.

Местные

Въезжая в с. Буланых (старое название — Ени Рабат, провинция Артвин), мы встретили мужчину средних лет, который на наш вопрос о составе населения села сообщил, что здесь живут местные, говорящие на турецком языке. Подобное определение этнической идентичности стало для нас неожиданностью. Впоследствии в вопросах местным мы предлагали очевидные варианты: *«А вы лазы, турки, хемшинны?»*. И неизменно получали ответ: *«Нет, местные»*.

Мужчина в Ени Рабате сказал нам, что ранее жителями селения были грузины, которые остались здесь жить *«после войны»*, и потому их стали называть местными. При этом все же полуразрушенную церковь, располагающуюся на окраине селения, он назвал армянской. Перед храмом установлена табличка с исторической справкой на турецком, английском и грузинском языках, сообщающей, что он был построен при Багратидах предположительно в X или XI в. Турецкие тури-

стические проспекты сообщают о том, что церковь является грузинской¹.

Здесь уместно вспомнить о нашем диалоге со сторожем в Ани (провинция Карс), жителем одноименного приграничного села, которого мы спросили, нет ли среди местных тех, кто говорит по-армянски. Он сообщил, что были бабушки, которые говорили на армянском, но сейчас никто не говорит. Позже в разговоре он даже выдвинул версию о возможности армянского происхождения своей фамилии Чаглаян, имеющей очевидную для любого носителя турецкого языка тюркскую этимологию².

Важно отметить, что, как мы выяснили ранее (в том числе в ходе беседы с водителем-курдом, который возил нас по провинциям Карс и Ардаган), окружающие группы нередко называют местных за глаза «армянами». Трагедия событий 1915–1923 гг. в Османской империи как *геноцида армян* является одним из основных спорных пунктов турецко-армянских отношений, и, соответственно, они по-разному описываются в историографиях обеих стран и по-разному воспринимаются их населением. В результате, обращение «армянин» нередко выступает в Турции в качестве этнофолизма, а армянская самоидентификация долгое время скрывалась.

О «загадочных» местных стоит сказать, что впечатление о личности и открытости обсуждения их «армянскости» оказались ошибочным. Это стало очевидным в сел. Йалынкая (старое название — Ташков, провинция Карс), где радушный прием и довольно веселая беседа в местной кофейне обернулись разразившимися ругательствами и недовольством, когда мы попытались упомянуть о стереотипах окружающих народов о местных.

В связи с Ани интересным будет заметить, что за несколько дней до нашей поездки в город там состоялось празднование 950-летия вхождения сельджуков в Анатолию. Таким образом,

¹ См. пример: Bulanik (Yeni Rabat) // Turkey from the Inside. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.turkeyfromtheinside.com/places-to-go/b/473-bulanik-yen-rabat.html>.

² Причастие настоящего времени гл. *çağlamak* — «шуметь, бурлить».

армянские исторические памятники в регионе могут служить и для репрезентации, описания и территориализации турецкой идентичности и исторической памяти.

Цыгане-лом (поша)

Верхняя часть города Ардануч (провинция Артвин) населена цыганами-лом, которых окружающее население называет «поша», и курдами, которых прочие курдские группы называют «мыртыв» («цыгане»), а тюркоязычные группы — «карачадырлы» («чернопалаточники»). В указанном регионе, как и в других частях Турции, цыганские группы также проживают в стенах городской крепости: так дело обстоит и в Артвине, и в Карсе, равно как и в Анкаре и других городах страны.

Обе группы обладают низким социальным статусом и поэтому являются изолированными. Наш водитель-гурджи, рассказывавший нам о бытующих представлениях о поша, пытался отговорить нас от их посещения. Когда мы все же приблизились к их домам, водитель лишь предупредил, что они не любят, когда их называют поша, и из-за этого может начаться конфликт.

Первая встреченная нами семья назвала себя местными и пыталась увести разговор от «этнической темы». Несмотря на предупреждение, мы решили все-таки спросить, живут ли где-то здесь поша. В ответ нам сообщили, что в этой части селения все поша, кроме хозяев данного дома.

На центральной площади квартала, куда мы направились, собралась группа жителей, также усиленно скрывавшая свою цыганскую принадлежность. Себя они называли «местными», а свой язык — «местным», *«тем, на котором мы с тобой говорим»*.

Ситуация изменилась, когда один из мальчишек после наших долгих расспросов сказал что-то на родном языке, видимо, про нас. Зацепившись за эту фразу, мы стали просить перевести ее, а главное — сказать, на каком языке она была произнесена. Мальчик в итоге сказал, что это был грузинский. Тогда Е.Ю. Захарова попыталась поговорить с ним по-грузински, на что он не

нашелся, что сказать. После этого один из мужчин подозвал нас и признался в том, что они ломы и говорят на ломском языке; разговорившись, он рассказал нам о главнейших памятниках этой части города и их истории.

Курды-мыртыв, которые проживают здесь же, считают себя курдами и говорят на курманджи. Живущие с ними цыгане также считают их курдами. Но прочие курдские и тюркоязычные группы считают их цыганами / поша или *«единими с цыганами»*.

Курды

Несмотря на очевидную полиэтничность провинции Карс, большинство населения (и значительное меньшинство — в провинции Ардаган) составляют курды. Другую крупную группу в Карсе составляют азери. Соседство первых и вторых нередко приобретает черты соперничества.

В отличие от центрального курдского ареала, в обследованном регионе среди младших поколений курдов родной язык утрачивается. Этому способствуют довольно часто встречающиеся смешанные браки. С одной стороны, курды подвергаются ассимиляции, с другой — они и сами ассимилируют другие этносы. Сложно отрицать и достаточно очевидный экспансионизм курдского исторического национального мифа, претендующего на все большие и большие территории, а также этносы: так, в Турции курды претендуют на то, что заза — народ прикаспийского происхождения — являются носителями одного из курдских диалектов.

Курды постепенно изживают, но все еще сохраняют родоплеменное деление на аширеты. Некоторые из аширетов имеют цыганское, тюркское, арабское, армянское происхождение.

Серьезным образом жизнь турецких курдов меняют демократические реформы в области межэтнических отношений. В 2009 г. правительством Турции был официально запущен «Проект национального единства и братства» (тур. Milli Birlik ve

Kardeşlik Projesi), который стал отправной точкой «курдской инициативы» (тур. Kürt açılımı) — комплекса мер, направленных на разрешение вооруженного конфликта с Рабочей партией Курдистана и в целом так называемого «курдского вопроса». А 30 сентября 2013 г. тогда еще премьер-министр Р.Т. Эрдоган объявил о принятии Пакета демократических реформ.

Терекеме

В СССР уже в раннесоветский период этнографы причисляли терекеме к азербайджанскому этносу. Особенностью, которая бросится в глаза советскому и постсоветскому кавказоведу или тюркологу, является то, что в Турции терекеме отделяют себя от азери.

Так, в с. Субатан (провинция Карс) терекеме, не считающие себя азери, проживают совместно с курдами и местными. Нам удалось встретиться со смешанной терекеме-курдской семьей, а точнее со свекром-терекеме и невесткой-курдянкой. В этом селении, по словам пожилого мужчины, молодые курды перешли уже на турецкий, только старшие говорят на курдском. На вопросы о том, происходит ли их род «из-за границы» (подразумевалась граница Турции с Арменией), он не дал конкретного ответа, но отметил, что он происходит из акбабинских терекеме (тур. Akbaba Terekemeleri). Акбаба здесь называют бывший Амасийский район Армении (ныне — часть Ширакской области) на границе с Турцией (ранее — часть Карской области).

Не менее интересным в этом ключе представляется вопрос о самоидентификации карапахов, которым нам, к сожалению, не удалось уделить должного внимания. В Советском Союзе карапахи еще в начале XX в. не были соотнесены ни с одним этносом, и утверждалась необходимость их дальнейшего изучения, а впоследствии они были включены в состав азербайджанского этноса. При этом ныне общепринятой считается точка зрения, согласно которой терекеме и карапахи суть одна и та же субэтническая группа. Однако трактовки существова-

ния разных названий этих групп в литературе разнятся: якобы оседлое население называется карапапахами, а кочевое — терекеме, или что терекеме — собирательное название, а карапапах — лишь часть терекеме, или что терекеме — шииты, а карапапах — сунниты.

Мы встречались с оседлыми суннитами, которые по этой классификации должны были быть карапапахами, но в разговоре с нами этот термин не был ни разу использован. При этом необходимо отметить, что перепись 1897 г. фиксирует в Карской области наличие отдельного карапапахского наречия, но не терекеминского или азери / азербайджанского [Кавказский календарь на 1912 г. 1911: 248]. Кавказский календарь на 1912 г. называет население с. Амасия карапапахским [Там же: 124]. Но в результатах переписи 1939 г. карапапахы уже отсутствуют. В Азербайджанской Республике карапапахы Грузии и ранее Армении считаются частью азербайджанского этноса. Видимо, за советский период и само тюркофонное население Амасийского района приняло азербайджанскую идентичность.

Эти разногласия еще раз иллюстрируют сложность категоризации и иерархизации (в смысле выявления уровней идентичности) тюркской (в частности, огузской) этнической номенклатуры. Проживая в различных странах, имея разный исторический опыт, но говоря на достаточно близких языках и диалектах, разные тюркские этнические группы (порой даже, как терекеме Турции и Азербайджанской Республики, имеющие общее самоназвание) имеют разные представления о своем положении на этнической карте.

Отметим еще, что семья русских из г. Арпачай (провинция Карс) назвала терекеме переселенцами с Кавказа.

Русские

После присоединения территорий Карса к России имперское правительство поощряло переселение сюда русских, большую часть которых составляли молукане, духоборы и другие христи-

анские религиозные группы. Именно их мы ожидали встретить, когда нам сказали, что в г. Арпачай есть русская семья. Но наши информанты оказались православными, называющими себя «белые русские», связывая это самоопределение с Гражданской войной.

В этой семье по-русски не говорят. Пожилые супруги объяснили утрату языка тем, что они рано осиротели. Тем не менее они знают многие русские слова. Молитвы они читают в турецком переводе, о датах православных праздников узнают от родственников, разбросанных по городам Турции и странам Европы и Америки (большая часть русского населения покинула регион в 1960–1970-е годы и переехала в страны Европы и Северной Америки). В целом православный календарь в этой семье знают хорошо. Из-за немногочисленности православного населения в регионе церкви поблизости нет, поэтому для крещения, венчания, отпевания приглашают священника из Анкары или Стамбула. Наши информанты утверждали: *«Среди наших никто ислам не принял»*.

В этой семье двое сыновей и дочь. Первые не женаты, а дочь замужем. Отец сообщил, что дочь выдали *«за нашего»*, но когда он ненадолго отлучился, дочь сказала, что замужем за армянином из Сиваса. Вернувшийся отец не позволил продолжить разговор, настояв на том, что дочь замужем *«за нашим»*. Очевидно, что на эту тему с нами говорить не хотели, только подчеркнули, что внучка тоже крещеная. Семья ищет сыновьям русских невест, но насколько это удастся, не ясно. Так, в разговоре с нами информанты упомянули, что у их родственников в г. Сарыкамыш (провинция Карс) все три невестки — курдянки (*«Богом клянусь, они лучше моего народа»*, — сказал отец), а у брата дочь замужем за турком, у которого мать из местных русских.

Насколько мы поняли, соседи относятся к ним с большим уважением; их репутация складывается из качества работы в мастерской и достойного поведения (в частности, во время Рамазана при посторонних они не только не принимают пищу, но даже не пьют чай и не курят).

Азери

Еще одной тюркоязычной группой, которую нам удалось посетить в провинции Карс (с. Эсенйайла), были азери. В турецком языке для обозначения местных азери и азербайджанцев Азербайджанской Республики, называющих себя «азарбайджанлы» (азерб. (тюрк.) *Azərbaycanlı*), используется одно и то же слово «азери». Сами азери не используют в отношении себя этноним «азарбайджанлы» не только на турецком, но и на азери (так они называют и свой язык). При этом они все-таки прослеживают свою связь с азербайджанцами, хотя и отмечают, что в большей степени они близки иранским тюркам. В самой Турции язык азери часто воспринимается в качестве диалекта турецкого. По вероисповеданию азери являются шиитами-двунадесятниками (джафаритами). Несмотря на то что большинство азери Турции (по меньшей мере, приграничных районов Карс и Ыгдыр, где они в основном сосредоточены) являются, видимо, кавказскими и иранскими переселенцами [Aydın 2012: 26], они достаточно плохо ориентируются в вопросе мест расселения своих дедов и прадедов и в целом, как нам показалось, не обладают национальным историческим мифом. По словам информанта (местного), азери не выдают девушек за представителей других этнических групп, тогда как сами местные, курды и терекеме это делают.

Туркмены-алевиты

В Турции, наряду с езидами, существует еще одна интереснейшая конфессиональная группа — алевиты. Среди исповедующих алевизм есть турки, туркмены, арабы, заза и курды. При этом необходимо отметить, что алевизм у различных этнических групп имеет свои особенности, не обладая, таким образом, единой общепринятой догматикой. В связи с отсутствием канонических религиозных текстов и под давлением государственной политики суннизации наблюдается утрата или искажение алевитских верований

(у разных групп в разной степени). В результате трудно встретить двух алевитов, рассказывающих о своей религии одно и то же. Сами алевиты чаще всего причисляют себя к мусульманам, но есть и те, кто не считает себя мусульманами.

Алевиты не ходят в мечеть, так как в мечети был убит имам Али, и не совершают намаз. Но у них есть молельные дома «джемэви», не получившие до сих пор в Турции статуса религиозных храмов. Мы успели посетить два туркменских селения: Караджаорен в провинции Карс, Йукары Гюндеш в провинции Ардаган.

В селении Караджаорен (изначально первое эстонское селение Турции), кроме джемэви, построена мечеть, и Управлением религиозных дел туда специально направлен имам. Он проводит религиозные обряды по своему, ханафитскому мазхабу. Но население мало посещает как джемэви, так и джами — мечеть. Даже следуя зачастую ханафитскому церемониалу, местные называют себя «алеви́тами».

В интерьере алевитского дома обращает на себя внимание соседство портретов имама Али и Ататюрка.

Турки-месхетинцы

По дороге через Ардаган в Карс мы остановились у яйла с. Коджабей. Несмотря на то что подавляющее большинство жителей села считает себя местными, нам встретились локальные интеллигенты, рассказавшие о том, что они «происходят от ахалцихских турок» — так в Турции называют турок-месхетинцев. Как сообщил один из них — учитель истории, их предок прибыл из Самарканда через Батум приблизительно 200–250 лет назад. На вопрос, все ли в селе считают себя ахалцихскими турками, он ответил: *«Нет. Из-за системы образования мы себя считаем турками»* (т.е. «обычными» турками).

В последний день пребывания в Турции мы посетили г. Пософ (провинция Ардаган) на турецко-грузинской границе, где нам удалось найти одного ахалцихского турка. Это был переселенец из Азербайджана в Месхети, вынужденный покинуть Гру-

зию, по его словам, в связи с преследованиями властями его отца, политического активиста.

Перейдя границу, мы смогли познакомиться в Ахалцихе с семьей вернувшихся в Месхети турок-месхетинцев. Глава этой семьи — человек, переживший депортацию еще мальчишкой и сумевший в преклонном возрасте наконец-то вернуться на Родину. Восстанавливая быт и надеясь инкорпорироваться в грузинское общество, они вместе с тем жаловались на проблемы с получением необходимых для проживания документов и гражданства.

Называя себя «ахалцихскими турками» на турецком, «турками-месхетинцами» — на русском, одна из наших информанток сообщила, что во внутриобщинной коммуникации в качестве самоназвания они используют выражение «bizim şənlik (şenlik)», которое можно перевести как «наш фестиваль», «наше празднество».

Армяне

Большинство населения области Самцхе-Джавахети Грузии составляют армяне, многие из которых являются потомками переселенцев из Османской Турции, в частности Карса. По диалекту они отличают себя как от ереванских, так и от тбилисских армян. Некоторые информанты из Ахалцихе отмечали, что в их диалекте больше тюркизмов, и подчеркивали, что в школе детям сложно учить литературный восточно-армянский язык.

В регионе ощущается напряжение между армянским населением и грузинским государством. Связано это с экономическим неблагополучием региона, большей ориентацией на Россию и языковым барьером. Местные армяне в советское время не учили грузинский язык, используя армянский и русский. Следствием этого стало то, что и в настоящее время русский играет здесь большую роль в сравнении со многими другими регионами Грузии. С обидой нам рассказывали еще и о том, как выходящей за грузина армянке для венчания пришлось сначала перекреститься в православие, притом что, по их словам, все грузины в советское время крестились в Армянской церкви, так как толь-

ко она была открыта в Ахалцихе. Помимо прихожан Армянской Апостольской церкви, среди местных армян есть также католики, представителей которых мы посетили в с. Схвилиси.

Уже на территории Армении, в области Ширак, в приграничных с Грузией и Турцией районах располагаются села, покинутые азербайджанцами после начала Карабахского конфликта (хочется отметить, что они располагаются очень близко к селам азери и терекеме с турецкой стороны границы). В настоящее время здесь проживают армянские переселенцы из прилегающих районов области Самцхе-Джавахети Грузии (они тоже являются потомками армян-переселенцев из Османской Турции), переехавшие сюда около 25 лет назад. Местные условия диктуют прибывшим армянам, как и их предшественникам-азербайджанцам, заниматься преимущественно животноводством.

Городская идентичность

В Турции привлекает внимание четко обозначенная локальная идентичность городского населения, в условиях полиэтничной провинции приобретающая черты деэтнизации. В обследованном нами регионе, например, жители Артвина и их сельское окружение в противовес национальной идентичности сельских жителей определяли население города как «артвинцев» (тур. «Artvinli»). Хорошо иллюстрирует подобное положение разговор с двумя женщинами — невесткой и свекровью-гурджи, которых мы встретили по пути в Артвин. На вопрос о том, кем по национальности, на их взгляд, являются Е.Ю. Гуляева и Е.Ю. Захарова, они отвечали названиями различных этносов. На вопрос об идентичности И.Ш. Абилова невестка ответила вопросом: «*Не артвинец ли ты?*». Если первое поколение сельских переселенцев еще сохраняет свою этническую идентичность, как, например, наш водитель-гурджи, то второе и тем более третье поколение, утерявшее родной язык, зачастую замещает ее городской идентичностью.

В семье упомянутых выше хемшин из Хопы супруга на вопрос о том, является ли она тоже хемшинкой, ответила, что является

«ризейкой» (уроженкой г. Ризе, расположенного западнее изучаемого региона). На вопрос «*То есть лазкой?*» она ответила: «*Нет, ризейкой*». Языком ризейцев, как и прочих групп с подобной городской идентичностью, является турецкий. В последнее время фактором усиления престижности ризейской идентичности является то, что отсюда происходит семья бывшего премьер-министра, а ныне президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана.

* * *

Подвижность административно-политической границы и самого населения способствовала неустойчивости и пластичности этнолокальной, конфессиональной, языковой идентичности. Обращает на себя внимание то, что у соседствующих групп населения идентификация может строиться на очень разных основаниях. Так, в случае тюркоязычных групп это могут быть конфессиональная обособленность (туркмены-алевиты, азе́ршииты), историческая память (ахалцихские (месхитинские) турки) и локальная принадлежность (ризейцы, артвинцы, местные). Для аджарских мусульман стоит вопрос соединения конфессиональной и национальной принадлежности. Для хемшин основанием для самоопределения является язык, но в Турции его «близость» к армянскому проблематична (в этом случае давление внешних факторов на группу сказывается в большей степени, чем в других). Для русских главным способом поддержания этнической идентичности стало православие, в то время как язык они уже утратили. Сравнение отношения к прошлому армян и азе́ри показывает: насколько значима историческая память для первых, настолько же она неактуальна для вторых.

Библиография

Кавказский календарь на 1912 г. Тифлис, 1911.

Aydın S. 'Türkiye'nin Etnik Yapısı', 1920'den Günümüze Türkiye'de Etnik Yapı ve Değişim (Der. F. Alpkayave B. Duru), 2012.

Sanikidze G., Walker E.W. Islam and Islamic Practices in Georgia. Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies. University of California, Berkeley Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies, 2004.